

Житие Преподобный Иларион Оптинский

Краткое житие

Преподобный отец наш Иларион, в миру Родион Никитич Пономарев, один из великих Оптиных старцев, родился в сельце Ключи Воронежской губернии в 1805 году, в пасхальную ночь на 9 апреля и назван во святом крещении Иродионом, в честь апостола Иродиона. Его будущее монашеское имя Иларион, означающее в переводе с греческого „тихий“ и „радостный“, выявило то главное, что было свойственно этому подвижнику веры и благочестия: тихую, смиренную кротость сердца и постоянное пребывание души в пасхальной радости о Воскресшем Господе.

Родион был третьим сыном Никиты Филимоновича Пономарева и его супруги Евфимии Никифоровны, а всего в семье было четыре сына. Никита Филимонович был известным в округе портным, часто находился в отъезде, выполняя многочисленные заказы,

и поэтому надзор за семейством и домашним хозяйством лежал на Евфимии Никифоровне, женщине достопочтенной и богобоязненной. Родион рос тихим и молчаливым, сосредоточенным и впечатлительным, с явной устремленностью к созерцательности и углубленности в свой внутренний мир. Без сомнения, не без мудрой и благой цели промышлял о нем Господь, воспитывая и приуготовляя будущего духовного наставника монашествующих и мирян.

Следование заповедям Господним уже с младенческих лет стало для него непреложным законом. Вот характерный эпизод из отрочества будущего Оптинского подвижника. Однажды, собирая вместе с матерью ягоды в лесу, мальчик набрел на особенно плодоносное место и стал созывать оказавшихся поблизости своих деревенских сверстников. Мать попыталась воспротивиться этому: „Не зови их, сами здесь будем рвать, а они пускай на другое место идут“. Но малолетний сын ее, в искренности и непорочности своего детского сердца, ответил так: „Отчего же? Ведь Бог не дал для нас одних, а для всех зародил ягоды!“...

Мать предрекала своему сыну, еще в семилетнем его возрасте, будущее монашество. Да и сам

отрок с детства чувствовал в себе стремление стать монахом. Первые встречи с иноческой жизнью состоялись у него в тринадцать и семнадцать лет — во время паломничества с матерью к святыням Киево-Печерской Лавры.

Обучаясь в доме отца своего портновскому ремеслу, рассудительный юноша, помышлявший о монашестве, решил, что в монастыре как раз и пригодится ему эта профессия. Именно тогда утвердилось в нем убеждение, что ко всякому делу следует относиться добросовестно: то, что делаешь, надо стараться делать хорошо. А это как раз и есть то самое правило, на которое как новоначальным, так и возросшим в духовной жизни инокам, святые отцы указывают как на необходимое условие для спасения и которое они в своих писаниях называют „хранением совести“ ...

Будучи двадцати четырех лет от роду, Родион переехал вместе с родителями на жительство в Саратов. Ревностный исполнитель уставов Православной Церкви, он и дома старался вести строго благочестивую жизнь, живя в страхе Божиим и отечески наблюдая за неуклонным исполнением христианских обязанностей артелью своих рабочих.

На артель, состоящую человек из тридцати, Родион смотрел как на своих детей, за которых надобно будет дать отчет Богу. Он содержал их хорошо и строго наблюдал за их нравственностью. С юных лет воспитанный в страхе Божиим, искренно преданный Православной Церкви и строго соблюдавший ее уставы, он завел, что в воскресные и праздничные дни вся артель непременно бывала в церкви на всенощной и обедни. Кроме того, при помощи знакомого дьячка Покровской церкви он обучал своих рабочих церковному пению, и за работой они вместо светских песен пели песни духовные.

Во всех своих действиях Родион отличался чрезвычайной мягкостью, кротостью и миролюбием, а на рабочих действовал не угрозами или наказаниями, но разнообразными мягкими увещательными способами, влиявшими на нравственное их расположение...

В эти годы Саратов был наводнен множеством раскольников. Секты враждовали между собой, сходясь только в одном: в ненависти к православным, которых в сравнении с ними было меньше. Кроме того, многие из православных, долго находясь

среди раскольников, пребывали в состоянии двоедушия и сомнения.

Именно в этот период Господь открыл Родиону новую возможность для служения людям — служение миссионерское, апостольское, способствовавшее возвращению в лоно Матери-Церкви многих и многих заблудших и погибельно отпавших от нее душ раскольников. Известный в Саратовской губернии старец Семен Климыч посоветовал ему заняться собеседованием с раскольниками с целью побудить их присоединиться к Православной Церкви...

Родион начал вести беседы о вере, основываясь единственно на слове Божиим и на изъяснениях онога святыми отцами Церкви. Постепенно он подводил отпавших от истинной веры к осознанию того, что, оспаривая Священное Писание и святоотеческое толкование, они превращались в противников Христа, Его слов и учения, то есть в „антихристов“. Этот новый оборот, который приняли собеседования, привел в движение раскольников, озадачил их и во многом способствовал убеждению в истине. Раскольники то и дело либо сами приходили к своим противникам, либо зазывали их к себе

на беседы. Будущий отец Иларион стал с ними заниматься много и успешно...

Братство, возглавленное Родионом, стало известно далеко за пределами Саратова. Видя, что Господь благословил начальные труды успехами, Преосвященный Иаков испросил у Святейшего Синода дозволения учредить в своей епархии миссию для обращения раскольников. Сохранились достоверные сведения о том, что Родион Пономарев был одним из самых ревностнейших и деятельнейших миссионеров. Но, рассказывая впоследствии в Оптиной Пустыни об этом периоде саратовской жизни, старец Иларион свое личное участие в делах миссии всегда оставлял в тени, проявляя столь свойственные ему скромность и смирение.

Так прошло девять лет. „Хотя мы и богоугодно старались жить, — вспоминал он в Оптиной Пустыни, — и, казалось, будто и делами благочестивыми занимались, но чувствовалось мне, что мы все еще не так живем, как бы следовало, что монахи лучше нас живут“.

Иноческая жизнь уже и в ранней юности привлекала его, а теперь, тридцати трех лет от роду, он серьезно задался вопросом: не настала ли для него пора вступить на этот

путь. Отзвук первых впечатлений от давних паломничеств к Киево-Печерским святыням породил в душе его желание ближе присмотреться к монашеской жизни и к монастырям. В течение девяти месяцев знакомился он с замечательными русскими обителями: Сарова, Суздаля, Ростова Великого, Белозерска, Тихвина, побывал на Соловках, в Почаеве, на Валааме, в Глинской и Пощанской пустынях. Именно в этих поездках Родион получил благословение непременно побывать у Оптинских старцев Льва и Макария. Так впервые, через подвижников из других обителей, была зримо явлена Родиону воля Божия, направляющая его стопы в Оптину Пустынь.

Приехав в Оптину, нашел он в старцах Льве и Макарии то, чего искала душа его. Отец Макарий много беседовал с будущим иноком, посещал его в гостинице, принося с собою какую-нибудь книгу для разъяснения предложенных им вопросов.

Возвратясь в Саратов и управившись со всеми мирскими делами, он вскоре вернулся в Оптину Пустынь, чтобы вступить на новый, трудный путь подвижнической жизни. Так на тридцать четвертом году от рождения, 13 марта

1839 года, Родион, Промыслом Божиим, был определен на жительство в Оптинский Иоанно-Предтеченский Скит, в келью по соседству с кельей игумена Варлаама, только что прибывшего с Валаама. Наряду с руководством старцев Льва и Макария, обрел Родион в первое же время скитской жизни и еще одного опытного наставника — Валаамского подвижника, оказавшего благотворное влияние на духовное преуспеяние новонаначального...

Вступая в 1839 году в должность скитоначальника, преподобный Макарий избрал себе в келейники Родиона, который 13 августа 1849 года был пострижен в мантию и стал иноком Иларионом.

Должность келейника, которую исправлял отец Иларион в течение двадцати лет, ставила его в постоянное тесное общение со Старцем, что особенно благоприятствовало достижению твердого, прочного, испытанного многими искушениями отсечения своеволия. По вере своей отец Иларион много пользовался примером богоугодной жизни старца Макария, исполненной любви, смирения, кротости и простоты. Насколько велика была преданность отца Илариона своему Старцу, свидетельствует

одно происшествие. Однажды преподобный Макарий отлучился из обители для посещения духовных детей своих. В пути экипаж опрокинулся в ров, и Старец получил вывихи и сильные ушибы, о чем и было сообщено в Оптину Пустынь. В это время отец Иларион был тяжело болен. Однако, получив это известие, он немедленно, забыв собственное недужное состояние, поспешил с врачом к своему духовному отцу, проехав около трехсот верст на перекладных по плохой осенней дороге.

Было у инока Илариона и еще одно послушание — садоводство и цветоводство. После правила, на заре, когда вся братия уже разошлась по келлиям, у инока Илариона в саду шла работа: он прививал деревья, обмазывал яблони, сажал цветы. Любителям цветоводства было чем полюбоваться, посещая Скит, покрытый благоухающими цветниками, — трудно было поверить, что все это дело усердия одного человека, неувядаемый плод послушания и любви к своему наставнику...

В 1853 году отца Илариона рукоположили в иеродиакона. Будучи диаконом, время, назначенное для отдыха и сна, отец Иларион употреблял преимущественно для чтения отеческих писаний. Для сна он до самой своей

кончины отводил не более четырех часов в сутки. По благословению Старца отец Иларион завел домашнюю аптечку и занимался лечением братии обители и Скита, для чего хаживал к больным и часто исполнял дело фельдшера. Поздней осенью и зимой он занимался еще и ложечным рукоделием...

В предсмертные дни преподобного Макария многие его духовные чада были переданы им отцу Илариону, ставшему 21 апреля 1857 года иеромонахом. Это было начало его духовнического пути, облагодатствованного преемственностью старчества.

На вопрошения Белевской игумений Павлины: „На кого вы нас оставляете, Батюшка?“ — старец Макарий указал на преподобных отцов Илариона и Амвросия и тут же позвал отца Илариона из другой комнатки, сказав: „Не оставь игумений!“ На слова отца Илариона: „Батюшка, я недостойн и сам ничего не знаю“ Старец отвечал ему: „Не оставь ее!“ Мать игумения поклонилась отцу Илариону в ноги. Уже после смерти старца Макария, 8 апреля 1863 года, отец Иларион вступает в должность скитоначальника и духовника обители...

И по управлению, и по духовничеству старался Преподобный Иларион поддерживать

те порядки, которые были заведены его почившим учителем. По воспоминаниям братии, его наставления были кратки, ясны, просты и имели силу убедительности, потому что он сам первый исполнял то, что советовал братии...

Однажды двое немирствовавших между собой братьев попросили Старца позволить им лично между собой перед ним объясниться для прекращения ссоры. Выслушав доводы каждого, отец Иларион сказал: „Из слов ваших выходит, что вы оба правы...“ Каждый по-прежнему стоял на своем. Тогда Старец, видя их непреклонность к примирению, сказал им: „Ну, не ожидал я от вас таких плодов!.. Остаюсь один я виноват, что не научил вас самоукорению“. И, к изумлению их. Старец смиренно поклонился им до земли со словами: „Простите, Бога ради!“ Таким неожиданным поклоном своего наставника братья были глубоко тронуты, осознали свое самолюбие и виновность и просили Старца простить их, обещая положить начало своему исправлению. Но опытный наставник не вдруг их простил, а только после еще некоторого испытания...

Дар исцеления душевных недугов, которым наделил Господь всех преподобных Оптинских старцев, в полной мере усвоен был

и преподобным Иларионом. Различные причины этих болезней Старец распознавал не только через расспросы страждущих, но и иными, одному ему ведомыми путями, и выносил свое заключение. Непримируемая вражда, раздоры семейные, тяжкие нераскаянные грехи чаще всего были причинами заболеваний, а потому и врачевал Старец болящих, при помощи Божией, благодатию таинства покаяния, на дом же давал им богоявленскую воду, артос и масло от лампадок, горевших на могилках почивших преподобных старцев Льва и Макария.

Любовь его к страждущим была безгранична, о чем свидетельствуют хотя бы такие случаи. Как-то попала к преподобному Илариону на исповедь упорнейшая душевнобольная, источавшая на него грубую, непристойную брань. Не обращая на это внимания, Батюшка все же добился, чтобы она пришла в полное сознание и покаялась в том грехе, за который так сильно страдает. „Вы бы ее, Батюшка, оставили, коль она такая“, — заметил кто-то, на что Старец ответил: „А у нее ведь душа такая же, как и у нас с тобой. Весь мир не стоит одной души!“

Один молодой купец года два был одержим манией преследования, доводившей его до безумия. Он избегал людей, бродил с блуждающим взором, произнося бессмысленные слова. Старец Иларион долго занимался с ним и из расспросов дознал, что главная причина болезни его была вражда и непокорность отцу, которую он таил в своем сердце. Батюшка долго убеждал его оставить злобу и испросить у отца прощения, доказывая, что только после этого он может надеяться на помощь Божию и избавиться от болезни. Наконец, упорство его было мудро уврачевано, душа очистилась покаянием, и мир водворился в ней.

Кроме братии обители и массы приходящего народа, духовным руководством старца Илариона и его наставлениями пользовались, как уже упоминалось, многие насельницы женских монастырей. Старец вел с ними переписку, отвечая не только на вопросы духовной жизни сестер, но и вдумчиво рассматривая самые различные житейские обстоятельства, искушения, нужды. Сохранившиеся письма Старца не утратили своей духовной значимости и по сей день.

Как не может град укрытись, верху горы стоя (Мф. 5, 14), так не могла укрыться от внимания людей и высокая деятельность старца Илариона. Но наряду с доброжелательным отношением к нему были и случаи явной клеветы на Оптинского подвижника, и в этом горниле испытаний еще более закалилась душа его: не поколебалась мирность батюшкиного сердца, не расстроилась кротость его нрава...

Особенно содействовал Старцу в деле духовного окормления многочисленных чад присущий ему дар прозорливости, который по чувству глубокого смирения, он старательно скрывал от людей. Схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры старец Захария, еще в юности посетивший Оптину Пустынь, побывал и у прозорливого старца Илариона. Когда он подошел к его келлии, то про себя, совсем неслышно, сотворил молитву Иисусову.

„Аминь“, – ответствовал через закрытую дверь Старец. Дверь отворилась, и он радушно и ласково принял Захарию. И сказал ему Старец, совсем не зная его и не имея понятия о его жизни и намерениях: „Что, матушка твоя померла? Смотри же, теперь не женись, а отец твой отпустит тебя в монастырь“...

Мать одного благочестивого семейства, глубоко уважавшая советы преподобного Илариона, своего духовного отца, приехала в обитель посоветоваться с ним относительно замужества своей дочери. Три дня ходили мать с дочерью к Старцу в надежде услышать, кого из трех женихов укажет Батюшка. Но он молчал и только на четвертый день, сказал: „Ну, дочка! Когда уж плыть, так плыть. Переплывешь — будешь человек. Видно, Богу так угодно“. Преподобный Иларион подразумевал, что много скорбей придется перенести девице по выходе замуж. И действительно, на первых порах очень трудно было ей в семействе мужа: скорби и огорчения выпали на ее долю — и крепкое здоровье порасстроилось, и духом начала она ослабевать. А по прошествии трех лет неожиданно все изменилось, здоровье снова вернулось к ней, зажили молодые в мире и радости, благословляя память старца-прозорливца.

Однажды овдовевший молодой купец обратился через своего брата за советом к преподобному Илариону и благословением на второй брак. Ответ же был таков: „Пусть он погодит еще годок да приедет к нам, и мы посмотрим, не годится ли он нам«. Не исполнил тот совета Старца — женился, но через три недели умерла

и вторая жена. А через некоторое время он все-таки оказался в обители, был принят в Скит и пострижен в монашество.

Мудрость Батюшки была велика: хотя говорил он очень мало, но слова его имели благодатную святую силу, а потому, получив от него наставление, человек чувствовал в себе искреннее желание исполнить его. Знание сердца человеческого было у него такое, что нельзя было не изумляться. Среди его мудрых советов такие: «Не стыдись обнажать струпы твои духовному наставнику и будь готов принять от него за грехи свои и посрамление, чтобы чрез него избежать вечного стыда».

Для ободрения скорбящих старец часто говаривал: Если Господь за нас, кто против нас?

«Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь имени Божия».

Часто говорил старец о хранении совести, о внимательном наблюдении за своими мыслями, действиями и словами, и о покаянии в них. Учил немощи и недостатки подчиненных нести благодушно. «Замечания делай, - наставлял старец, - не давая пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого».

«Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанной молитвой и самоукорением не утишится твое сердце».

«Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а гордым Бог противится, смиренным же дает благодать». Часто старец приводил изречение апостола: «Истинная любовь не раздражается, не мыслит зла, николиже отпадает».

Наступила весна 1872 года. 4 марта преподобный Иларион отслужил свою последнюю Литургию. Возвратясь в келлию, сказал: „Никогда так не уставал, должно быть, пришел конец мой“. 9 марта он принял пострижение в схиму с сохранением имени Иларион. Врачи опасались паралича сердца, но прозорливый Старец так сказал о себе: „Не верю снам, но думаю, что на этот раз останусь жив. Приснилось мне, что вокруг меня сильнейшая гроза: разразился необыкновенный удар грома, но меня миновал, и я остался жив“...

В эти тяжелые предсмертные дни сподобился сей великий Оптинский старец утешения из Горнего мира. Ему и прежде неоднократно

являлся в сновидениях преподобный Макарий, но теперь эти видения участились. В одном из них явившийся наставник сказал: „А я вот к тебе, Иларион, заехал... Я к тебе еще буду, заеду за тобой.“ В продолжение своей болезни Старец обыкновенно причащался Святых Тайн не реже чем через два-три дня, а с 17 августа 1873 года стал причащаться уже ежедневно и таким образом причащался в течение тридцати трех дней, до самой своей кончины включительно. Начиная с 22 августа, Преподобный уже не мог ложиться в постель, не мог сам двигаться и до самой кончины своей сидел в кресле.

22 августа приехала Белевская игуменья мать Павлина проститься со Старцем. Он благословил ее иконой преподобного Илариона, а о сестрах сказал, чтобы желающие проститься приезжали не все вдруг, а по нескольку сестер. „Еще время терпит, — сказал он, — я еще несколько недель проживу в кресле; в водяной болезни недели по четыре сидят“. Этими словами он, как впоследствии оказалось, как бы предназначил время своего сидения с 21 августа по 18 сентября, то есть четыре недели и один день. Перед кончиною своею он сказал: „Старцы, бывшие в водяной, все сидели перед кончиною своею, а мне, грешному, отчего

не посидеть?» Несмотря на чрезмерную болезненную слабость, бессонницу, постоянную одышку, переходившую по ночам в удушье, на чрезвычайные боли, появлявшиеся в последние дни от некоторых болезненных припадков, старец до последнего утра своей жизни ни разу не оставил исполнения положенных в Скиту молитвенных правил...

На рассвете 18 сентября 1873 года старец Иларион тихо и мирно отошел ко Господу. Погода, бывшая до того пасмурной и дождливой, в день кончины Старца прояснилась. При перенесении тела Старца в монастырь было так тихо, что не погасла ни одна свеча. Отпевание происходило во Введенском соборе, который был полон народа, освещен паникадилами и большими свечами, всем присутствующим также были розданы свечи. По отпевании происходило прощание со Старцем монашествующей братии и мирских. И уступила горечь утраты иному чувству — пасхальной радости о будущем воскресении из мертвых...

В 1996 году преподобный Иларион был причислен к лику местночтимых Святых Оптиной Пустыни, а в августе 2000 года — Юбилейным Архиерейским Собором Русской

Православной Церкви прославлен для общецерковного почитания. Мощи преподобного Илариона покоятся во Владимирском храме Оптиной Пустыни.

Полное житие преподобного Илариона старца Оптинского

[Детство будущего старца](#)

[Рассудительный юноша](#)

[Первое искушение за благочестие](#)

[Господь помог моему произволению](#)

[Жизнь в страхе Божиим](#)

[В судьбах Божиих было о нем predetermined](#)
[иное](#)

[Служение миссионерское](#)

[Монахи лучше нас живут](#)

[То, чего искала душа](#)

[Келейник старца](#)

[Неувядаемый плод послушания и любви](#)

[Жизнь полная трудов](#)

Начало старчества

Не оставь игумений!

Достойный продолжатель Оптиных традиций старчества

Вот картина такой исповеди

Духовные дары старца Илариона

В горниле испытаний

Письма старца

Слова его имели благодатную святую силу

Всего себя отдал на служение ближним

Никогда так не уставал

Утешения из Горнего мира

Ни разу не оставил молитвенных правил...

В день кончины Старца

Старец Иларион великую стяжал славу

Оптинский старец преподобный Иларион... Он прожил не самую долгую жизнь – шестьдесят восемь лет, из них тридцать четыре года – в Оптиной Пустыни. Но за эти годы он успел стать ближайшим учеником, сотаинником и

келейником Оптинского старца Макария, а затем – из ученика превратиться в наставника и старца, перенять эстафету Оптинского старчества и передать её дальше. В старце Иларионе соединялись благодатные дарования прозорливости, рассуждения, "дар исповеди" (обнаружение в человеке скрытых или забытых пороков, обличение их и последующее врачевание болящей души) и опыт, богатый опыт пастыря-духовника, еще в миру начавшего трудиться на ниве спасения заблуждающихся душ. Преподобный Иларион был наставником, ведущим истинно подвижническую жизнь. Каким был его путь в Оптину? Он начался в детстве.

Детство будущего старца

Преподобный Иларион, в миру Родион Никитич Пономарев, родился в селе Ключи Воронежской губернии в 1805 году, в пасхальную ночь на 9 апреля и был назван в святом крещении Иродионом, в честь апостола Иродиона. Он был третьим сыном Никиты Филимоновича Пономарева и его супруги Евфимии Никифоровны, а всего в семье было четыре сына. Никита Филимонович был известным в округе портным, часто находился в отъезде, выполняя многочисленные заказы, и поэтому

надзор за семейством и домашним хозяйством лежал на Евфимии Никифоровне, женщине достопочтенной и богобоязненной. Родион рос тихим и молчаливым, сосредоточенным и впечатлительным, с явной устремленностью к созерцательности и углубленности в свой внутренний мир. Без сомнения, не без мудрой и благой цели промышлял о нем Господь, воспитывая и приуготовляя будущего духовного наставника монашествующих и мирян.

Следование заповедям Господним уже с младенческих лет стало для Родиона непреложным законом. Вот характерный эпизод из отрочества будущего Оптинского подвижника. Однажды, собирая вместе с матерью ягоды в лесу, мальчик набрел на особенно плодоносное место и стал созывать оказавшихся поблизости своих деревенских сверстников. Мать попыталась воспротивиться этому: „Не зови их, сами здесь будем рвать, а они пускай на другое место идут". Но малолетний сын ее, в искренности и непорочности своего детского сердца, ответил так: „Отчего же? Ведь Бог не дал для нас одних, а для всех зародил ягоды!" ...

Мать предрекала своему сыну, еще в семилетнем его возрасте, будущее монашество. Да и сам

отрок с детства чувствовал в себе стремление стать монахом. Первые встречи с иноческой жизнью состоялись у него в тринадцать и семнадцать лет – во время паломничества с матерью к святыням Киево-Печерской Лавры.

Рассудительный юноша

В 1820 году Родион с родителями переехал в Воронежскую губернию, где жил до двадцатилетнего возраста, обучаясь в доме отца, известного портного, портновскому ремеслу. Рассудительный юноша, помышлявший о монашестве, решил, что в монастыре как раз и пригодится ему эта профессия. Для совершенствования в ремесле он отправился в Москву. Именно тогда утвердилось в нем убеждение, что ко всякому делу следует относиться добросовестно: то, что делаешь, надо стараться делать хорошо. А это как раз и есть то самое правило, на которое как новоначальным, так и возросшим в духовной жизни инокам, святые отцы указывают как на необходимое условие для спасения, и которое они в своих писаниях называют „хранением совести“...

Первое искушение за благочестие

В Москве юноше пришлось поработать в нескольких мастерских и пройти различные

жизненные искушения. Позднее о своей жизни и работе в одной из этих мастерских отец Иларион вспоминал: «Когда мы жили у Занфтлебена, то пища нам готовилась скоромная, постов и постных дней среды и пятка не соблюдалось. Вся артель человек в сорок ела скоромное; только я не ел скоромного, да один курский молодец, да две благочестивые кухарки, которые хотя и готовили скоромное на артель, но сами постные дни соблюдали. Хозяин мне за это постное не выговаривал, не сердился, только бывало, скажет мне: „Ты, знать, старой веры держишься; это карашо!“. Хаживал я на дух к священнику в приход Святителя Алексия Митрополита, мы в его приходе жили. Священник был старец очень благочестивый, при исповеди я рассказал ему, что, по ошибке или искушению, ели иногда по постным дням скоромное. Он вошел в мое положение, приходит к хозяину, строго заметил ему, пригрозив, что донесет на него за то, что развращает православных и что его за это проводит за заставу. Угрозы подействовали, хозяин испугался и скоромную пищу по постным дням прекратил. Вот, на другой день, на меня вся артель и восстала: такой-сякой, говорят, собственно через тебя мы лишились этой пищи! Это было мое первое искушение за благочестие».

Господь помог моему произволению

Юноша твёрдо решил вести благочестивую и добродетельную жизнь, несмотря на различные искушения, и Господь помогал его произволению и ограждал чистую душу Родиона. Об одном из искушений он вспоминал: «Один мастер был хорош ко мне, но, уходя вечерами или праздниками домой, вел жизнь, очень неназидательную. Мне часто приходилось ходить или ездить к нему на квартиру, когда хозяин меня за ним посылал. Вся обстановка его домашней жизни отнюдь не согласовалась с хорошою нравственностью. И мне, в мои поездки к нему, приходилось наталкиваться на вещи и сцены, которая очень бы могли повредить моему устроенную, но я, по милости Божией, твердо держался правила не задерживаться у него более, нежели сколько было необходимо, во избежание соблазнов. Скажу ему, что бывало нужно от хозяина, да сейчас же оттуда опять домой. Господь помог моему произволению и сохранил среди этих искушений». Позднее, когда юноша сам станет мастером и хозяином артели, он будет заботиться о своих работниках, оберегать их от искушений.

Жизнь в страхе Божиим

Будучи двадцати четырех лет от роду, Родион переехал вместе с родителями на жительство в Саратов. Ревностный исполнитель уставов Православной Церкви, он и дома старался вести строго благочестивую жизнь, живя в страхе Божиим и отечески наблюдая за неуклонным исполнением христианских обязанностей артелью своих рабочих.

На артель, состоящую человек из тридцати, Родион смотрел как на своих детей, за которых надобно будет дать отчет Богу. Он содержал их хорошо и строго наблюдал за их нравственностью. С юных лет воспитанный в страхе Божиим, искренно преданный Православной Церкви и строго соблюдавший ее уставы, он завёл, что в воскресные и праздничные дни вся артель непременно бывала в церкви на всенощной и обедни. Кроме того, при помощи знакомого дьячка Покровской церкви он обучал своих рабочих церковному пению, и за работой они вместо светских песен пели песни духовные.

Во всех своих действиях Родион отличался чрезвычайной мягкостью, кротостью и миролюбием, а на рабочих действовал не угрозами или наказаниями, но разнообразными

мягкими увещательными способами, влиявшими на нравственное их расположение...

В судьбах Божиих было о нем предопределено иное

Во время пребывания Родиона Никитича в Саратове были относительно его два брачные предложения; но в судьбах Божиих было о нем предопределено иное. Оба эти предположения не состоялись: одно по особенному действию Промысла Божия за неожиданной, после скоротечной болезни, кончиною девицы, а другое по нерасположению в этом случае самого Родиона.

Юноша был молод, умен, имел достаток и хорошую репутацию, и ежели бы только захотел — за него со всею охотою вышли бы многие из богатых купеческих дочерей Саратова. Но Родион Никитич, познакомившись с невестой, богатым белоручкам предпочел девушку, способную к деятельности, желавшую и могшую трудиться. Когда дело было уже слажено, девушка поехала к своей матери, имевшей в Пензе свой дом и хозяйство, чтобы распорядиться своим имуществом и, собрав, чем могла располагать, возвратиться в Саратов для венчания. Но вскоре, по приезде в Пензу, заболела и, после непродолжительной болезни,

скончалась, Господь принял к себе невесту Родиона Никитича, который после сего решился посвятить себя в девстве на служение ближним.

Впоследствии был еще случай сватовства. Желая видеть сына женатым, родители приискали Родиону Никитичу в одном зажиточном купеческом семействе умную и красивую невесту. Отдавая всякую справедливость достоинствам невесты, Родион Никитич, однако, и сам тому удивляясь, нимало не располагался к ней сердцем и старался напротив всячески найти препятствие этому браку. Через близких знакомых открылась-таки причина, по которой не располагалось сердце Родиона Никитича сблизиться с невестой и её родными. Оказалось, что они втайне придерживались какого-то лжеучения, от которого невеста, по закоснению никак не хотела отказаться; Родион Никитич обрадовался этому обстоятельству, как достаточному поводу покончить с этим сватовством. Таким образом, душевные волнения и искушения, обыкновенно связанные с подобным состоянием не остались безызвестными и не испытанными для Родиона Никитича, и когда ему настало время вступить на высший путь благоугождения Богу, то он не оказался подобным "носящему оковы на руках и на ногах".

Служение миссионерское

В эти годы Саратов был наводнен множеством раскольников. Секты враждовали между собой, сходясь только в одном: в ненависти к православным, которых в сравнении с ними было меньше. Кроме того, многие из православных, долго находясь среди раскольников, пребывали в состоянии двоедушия и сомнения.

Именно в этот период Господь открыл Родиону новую возможность для служения людям – служение миссионерское, апостольское, способствовавшее возвращению в лоно Матери-Церкви многих и многих заблудших и погибельно отпавших от нее душ раскольников. Известный в Саратовской губернии старец Семен Климыч посоветовал благочестивому юноше заняться собеседованием с раскольниками с целью побудить их присоединиться к Православной Церкви...

Родион начал вести беседы о вере, основываясь единственно на слове Божиим и на изъяснениях одного святыми отцами Церкви. Постепенно он подводил отпавших от истинной веры к осознанию того, что, оспаривая Священное Писание и святоотеческое толкование, они превращались в противников Христа, Его слов и

учения, то есть в „антихристов". Этот новый оборот, который приняли собеседования, привел в движение раскольников, озадачил их и во многом способствовал убеждению в истине. Раскольники то и дело либо сами приходили к своим противникам, либо зазывали их к себе на беседы. Будущий старец стал с ними заниматься много и успешно...

Братство, возглавленное Родионом, стало известно далеко за пределами Саратова. Видя, что Господь благословил начальные труды успехами, Преосвященный Иаков испросил у Святейшего Синода дозволения учредить в своей епархии миссию для обращения раскольников. Сохранились достоверные сведения о том, что Родион Пономарев был одним из самых ревностнейших и деятельнейших миссионеров. Но, рассказывая впоследствии в Оптиной Пустыни об этом периоде саратовской жизни, старец Иларион свое личное участие в делах миссии всегда оставлял в тени, проявляя столь свойственные ему скромность и смирение.

Монахи лучше нас живут

Так прошло девять лет. „Хотя мы и богоугодно старались жить, – вспоминал отец Иларион в Оптиной Пустыни, – и, казалось, будто и делами

благочестивыми занимались, но чувствовалось мне, что мы все еще не так живем, как бы следовало, что монахи лучше нас живут".

Иноческая жизнь уже и в ранней юности привлекала его, а теперь, тридцати трех лет от роду, он серьезно задался вопросом: не настала ли для него пора вступить на этот путь. Отзвук первых впечатлений от давних паломничеств к Киево-Печерским святыням породил в душе его желание ближе присмотреться к монашеской жизни и к монастырям. В течение девяти месяцев знакомился он с замечательными русскими обителями: Сарова, Суздаля, Ростова Великого, Белозерска, Тихвина, побывал на Соловках, в Почаеве, на Валааме, в Глинской и Площанской пустынях. Именно в этих поездках Родион получил благословение непременно побывать у Оптиных старцев Льва и Макария. Так впервые, через подвижников из других обителей, была зримо явлена Родиону воля Божия, направляющая его стопы в Оптину Пустынь.

То, чего искала душа

Приехав в Оптину, нашел он в старцах Льве и Макарии то, чего искала душа его. Отец Макарий много беседовал с будущим иноком, посещал его в гостинице, принося с собою

какую-нибудь книгу для разъяснения предложенных им вопросов.

Вернувшись в Саратов и управившись со всеми мирскими делами, он вскоре снова приехал в Оптину Пустынь, чтобы вступить на трудный путь подвижнической жизни. Так, на тридцать четвертом году от рождения, тринадцатого марта 1839 года, Родион, Промыслом Божиим, был определен на жительство в Оптинский Иоанно-Предтеченский Скит, в келью по соседству с кельей игумена Варлаама, только что прибывшего с Валаама. Наряду с руководством старцев Льва и Макария, обрел Родион в первое же время скитской жизни и еще одного опытного наставника – Валаамского подвижника, оказавшего благотворное влияние на духовное преуспеяние новонаначального.

Келейник старца

Вступая в 1839 году в должность скитоначальника, преподобный Макарий избрал себе в келейники Родиона, который тринадцатого августа 1849 года был пострижен в мантию и стал иноком Иларионом. Его монашеское имя "Иларион», означающее в переводе с греческого „тихий" и „радостный", выявило то главное, что было свойственно этому подвижнику веры и благочестия: тихую,

смиренную кротость сердца и постоянное пребывание души в пасхальной радости о Воскресшем Господе.

Должность келейника, которую исправлял отец Иларион в течение двадцати лет, ставила его в постоянное тесное общение со Старцем, что особенно благоприятствовало достижению твердого, прочного, испытанного многими искушениями отсечения своеволия. По вере своей отец Иларион много пользовался примером богоугодной жизни старца Макария, исполненной любви, смирения, кротости и простоты.

Насколько велика была преданность отца Илариона своему Старцу, свидетельствует одно происшествие. Однажды преподобный Макарий отлучился из обители для посещения духовных детей своих. В пути экипаж опрокинулся в ров, и Старец получил вывихи и сильные ушибы, о чем и было сообщено в Оптину Пустынь. В это время отец Иларион был тяжело болен. Однако, получив это известие, он немедленно, забыв собственное болезненное состояние, поспешил с врачом к своему духовному отцу, проехав около трехсот верст на перекладных по плохой осенней дороге.

Неувядаемый плод послушания и любви

Было у инока Илариона и еще одно послушание – садоводство и цветоводство. После правила, на заре, когда вся братия уже разошлась по кельям, у инока Илариона в саду шла работа: он прививал деревья, обмазывал яблони, сажал цветы. Любителям цветоводства было чем полюбоваться, посещая Скит, покрытый благоухающими цветниками, – трудно было поверить, что все это дело усердия одного человека, неувядаемый плод послушания и любви к своему наставнику...

Жизнь полная трудов

В 1853 году отца Илариона рукоположили в иеродиакона. Будучи диаконом, время, назначенное для отдыха и сна, отец Иларион употреблял преимущественно для чтения отеческих писаний. Для сна он до самой своей кончины отводил не более четырех часов в сутки. По благословению Старца, отец Иларион завел домашнюю аптечку и занимался лечением братии обители и Скита, для чего хаживал к больным и часто исполнял дело фельдшера. Поздней осенью и зимой он занимался еще и ложечным рукоделием...

Начало старчества

Старец Макарий до кончины своей держал отца Илариона в тени, и тот не имел явных духовных детей, хотя некоторые из чад еще при жизни старца и по его воле негласно исповедовались у отца Илариона. Это было началом его духовнического пути, благодетельствованного преемственностью старчества. Сокровенно, в тиши скита, вдали от мира сего, совершалось возрастание смиренного инока в мужа высокой меры духовной, способного руководить и другими.

Внешняя трудовая жизнь отца Илариона была видна для всех, труды же его и преуспевание во внутреннем делании, совершенно невозможно было оценить, настолько они были прикровенны. Однако труды эти имели внимательного и опытного ценителя: их видело просвещенное духовным разумом око мудрого наставника, старца Макария. Он передал в последние дни своей предсмертной болезни отцу Илариону, ставшему двадцать первого апреля 1857 года иеромонахом, продолжение своей старческой деятельности, и вручил его духовному руководительству многих своих духовных детей.

Не оставь игумений!

На вопрошения Белевской игумений Павлины: „На кого вы нас оставляете, Батюшка?" – старец Макарий указал на преподобных отцов Илариона и Амвросия и тут же позвал отца Илариона из другой комнатки, сказав: „Не оставь игумений!" На слова отца Илариона: „Батюшка, я недостойн и сам ничего не знаю", старец отвечал ему: „Не оставь ее!" Мать игумения поклонилась отцу Илариону в ноги. Уже после смерти старца Макария, восьмого апреля 1863 года, отец Иларион вступил в должность скитоначальника и духовника обители.

Тотчас по кончине старца духовному руководству отца Илариона предали себя, кроме Белевской игумении Павлины с большею частию сестер ее обители, еще несколько ближайших учениц покойного Старца, сестры Севского монастыря, среди которых были и племянницы отца Макария. Чадами его стали также Великолуцкая игумения мать Палладия со многими сестрами, настоятельница Каширской общины мать Макария с сестрами, Великоустюжская игумения мать Назарета со многими сестрами и некоторые иные.

Из мирских лиц, предавших себя духовному руководству отца Илариона, следует упомянуть и преданную духовную дочь покойного старца Макария, благодетельницу Наталью Петровну Киреевскую.

Достойный продолжатель Оптиных традиций старчества

Старец Иларион стал достойным продолжателем священных Оптиных традиций старчества. Видимым образом и естественным своим порядком началом старчества является духовничество, которое в Оптиной не ограничивалось исповедью, но соединялось с откровением помыслов. Долго пробыв ближайшим учеником старца Макария, отец Иларион, став скитоначальником и духовником, старался и по управлению, и по духовничеству поддерживать те порядки, которые были заведены его дорогим учителем.

Пять раз в году (то есть, по единожды в посты, Великим постом дважды) совершалась им исповедь всем относившимся к нему братьям; исповедь не общая, а с подробным опросом каждого исповедывающегося о всем касающемся до его внутренней жизни и устройства. Каждый по своей нужде получал при этом наставление для дальнейшей деятельности.

Несмотря на такой труд, старец все-таки выстаивал все церковные службы, как известно, особенно продолжительные на первой и седьмой седмицах Великого поста. Затем начиналась исповедь женщин в хибарке: сестер монастырского скотного двора, монахинь или мирян. Мужчины исповедовались им особо в приемной его кельи. Исповедь часто продолжалась до чтения правила на сон грядущий. По субботам и пред праздниками приходили для исповеди чредные служащие – иеромонахи и иеродиаконы.

Кроме исповеди в посты, бывала исповедь и во всякое другое время всем прибывающим и желавшим оной посетителям и богомольцам, каковых бывало много и никому и ни в какое время у старца отказа не было.

Преимущественно после вечерней трапезы, а старшие монахи, или имевшие особенную нужду и во всякое время (а многие почти ежедневно) приходили к старцу для очищения совести откровением помыслов, покаянием и для получения себе от старца в руководство наставлений и совета, сообразно с устройением каждого.

Особенностью старческого слова отца Илариона было то, что старец говорил большею частью не

от себя, а приводил слова и примеры из Священного Писания или припоминал, что в подобных случаях говаривал, советовал, или приказывал батюшка отец Макарий. Слова наставлений старца Илариона были кратки, ясны, просты, и имели силу убедительности, потому что он сам первый исполнял то, что советовал братии, и сам уже опытно побывал в различных случаях, о которых приходилось наставлять братию.

В смиренном воздержании от собственных суждений и мнений, в постоянном обращении к авторитету своего старца и учителя, преподобный Иларион, вслед за старцем Макарием, прокладывает путь для традиции Оптинского ученичества и послушничества, на фундаменте которых только и может стоять старчество. Впоследствии на этом пути особенно подвизался смиреннейший ученик преподобного Амвросия - старец Иосиф.

Вот картина такой исповеди

В переднем углу хибарки, пред иконами Христа Спасителя и святого апостола Петра, висела лампадка и стоял аналой с крестом, исповедной книжкой и епитрахилью, чтобы желающие могли тотчас же приступить к исповеди. Многие из посетителей для того и являлись в обитель,

чтобы передать старцу, отцу Илариону, о своих духовных нуждах, как опытному наставнику. После обычных приветствий, старец искусными вопросами вызывал откровенное объяснение посетителя о цели его посещения и составлял себе понятие о его душевном состоянии. Когда находил нужным, предлагал посетителю подготовиться к очищению своей совести исповедованием, назначая для этого не менее трех дней. Следовало пересмотреть всю свою прежнюю жизнь с семилетнего возраста, припомнить и отыскать в себе преимущественно забытые грехи, в которых не было принесено покаяние, и в которых часто и таилась причина душевной болезни. Если же посетитель почему-либо не достигал этого, то старец сам на исповеди искусными вопросами уяснял, в чем дело, вызывал посетителя на воспоминание о нераскаянном грехе, по невниманию обратившемся в навык.

Можно сказать, употребляя выражение Глинского схиархимандрита отца Иоанна (Маслова), что преподобный Иларион "обладал молитвенным даром так воздействовать на человека, что тот, чувствуя невидимое присутствие Всемогущего Господа, со всей откровенностью исповедовал старцу самые потаенные движения своего сердца".

Возбудив сознание и сокрушение о грехах, старец иногда, по степени и важности их, налагал на кающихся епитимии, сообразуясь с родом жизни, званием, состоянием, занятиями, здоровьем, летами. Причем требовал, чтобы кающийся исполнял ее в точности и неопустительно. Епитимия состояла из молитв, покаянного канона, чтения кафизм, поклонов, раздачи милостыни, в прощении обид и оскорблений, примирении с обидевшими, возвращении долгов, или неправильно присвоенного, оставлении неприличных для христианина навыков, забав и удовольствий, праздного времяпрепровождения. Вот картина такой исповеди. По окончании исповеди отец Иларион допускал покаявшегося к принятию Святых Таин. Многие, получив на исповеди от старца ощутительную пользу душевную, продолжали и после жить по наставлениям старца, исправлялись от душевных недугов и жили за молитвами старца благочестиво и благополучно и имели его уже своим постоянным духовником и наставником.

Духовные дары старца Илариона

Дар исцеления

Дар исцеления душевных недугов, которым наделил Господь всех преподобных Оптинских

старцев, в полной мере усвоен был и преподобным Иларионом. Различные причины этих болезней Старец распознавал не только через расспросы страждущих, но и иными, одному ему ведомыми путями, и выносил свое заключение. Непримиримая вражда, раздоры семейные, тяжкие нераскаянные грехи чаще всего были причинами заболеваний, а потому и врачевал Старец болящих, при помощи Божией, благодатию таинства покаяния, на дом же давал им богоявленскую воду, артос и масло от лампадок, горевших на могилах почивших преподобных старцев Льва и Макария.

Дар старца исцеления душевных и телесных недугов наиболее зримо проявлялся именно тогда, когда оба рода недугов были взаимосвязаны; заболевание возникало, как сейчас говорится, "на нервной почве", и, наконец, само это нервно-душевное расстройство являлось последствием уклонения от воли Божией и заповедей Его. Здесь проявлялось дарование преподобного Илариона узнавать истинную духовную причину болезни. Действовал здесь и дар рассуждения...

Лучшее лекарство от недугов душевных

Много приводили к старцу страдающих нервными и душевными болезнями, которых

обычно называют - порченными. Старец о. Иларион был твердо убежден, что полное искреннее покаяние, всепрощение обидевших и примирение со враждующими есть лучшее лекарство от недугов душевных. Старец указывал больным не мнимую, а действительно найденную им причину их болезни и приводил к сознанию, раскаянию и сокрушению о своих грехах. Если больные указывали на кого-либо, как на причину своей болезни, что часто бывало с нервными больными, то о. Иларион советовал тогда испросить у того лица прощения, если оно живо, а если скончалось, то примириться с ним, отслужить на его могиле панихиду о его упокоении, подавать о поминовении на проскомидиях, и дома за него молиться, принести покаяние, принять епитимию и положить начало добродетельной жизни.

Исцеление от недуга неверия

Между прочим, в то время к болезням душевным относили и недуг, который уже в XX веке стали рассматривать как "право личности иметь свои убеждения" - неверие в Бога, атеизм. Преподобный старец Иларион врачевал эту нравственную болезнь, и потому ныне так важна нам его помощь свыше. Вот пример исцеления от недуга неверия:

Студент Московского университета, тульский помещик А.П.А. дошел почти до полного неверия в Бога. Будучи проездом в обители, он имел продолжительные беседы со старцем. Полные искреннего участия и душевной доброты слова старца подействовали на молодого человека. Он согласился признать свои заблуждения, провел, по предложению старца, в обители несколько дней, исповедался, принес покаяние, сподобился принять Святых Таин, к чему пред тем уже несколько лет не приступал, и поехал в Москву верующим и благочестивым христианином.

Весь мир не стоит одной души!

Любовь старца к страждущим была безгранична. Как-то попала к преподобному Илариону на исповедь упорнейшая душевнобольная, источавшая на него грубую, непристойную брань. Не обращая на это внимания, Батюшка все же добился, чтобы она пришла в полное сознание и покаялась в том грехе, за который так сильно страдает. „Вы бы ее, Батюшка, оставили, коль она такая“, – заметил кто-то, на что Старец ответил: „А у нее ведь душа такая же, как и у нас с тобой. Весь мир не стоит одной души!“

Совершенное исцеление

Одна сорокалетняя крестьянка, Одоевского уезда, часто посещавшая обитель, сама рассказывала, что в продолжение многих лет сильно страдала припадками, сопровождавшимися судорогами, криком на разные голоса. В состоянии припадка, она неистово кричала, бранилась и обнаруживала такую неестественную силу, что несколько мужчин не могли удержать ее. Много наслышавшись о старце Илларионе, она обратилась к нему за помощью. Как всегда, так и в этом случае, старец исповедал ее во всех грехах; особенно нераскаянных, и вот благодатною силою Таинства Покаяния она получила чрез старца совершенное исцеление. Припадки не возвращались, и она стала здорова и покойна, глубоко признательна за полученную помощь. Она жива была еще в 1877 году, и лично известна многим братьям.

Теперь тебя преследовать и вязать не будут

Тульской губернии, Богородицкого уезда, купец 35 лет, непьющий,— более года страдал душевною болезнью: ему представлялось, что все насмеваются над ним и над его действиями, и что какие-то незнакомые ему люди, куда бы он ни пошел, преследуют его и намереваются

лишить его жизни. Эти мысли ни днем, ни ночью не давали ему покоя, и он несколько уже раз приходил к мысли о самоубийстве, и тем самым наводил страх на все свое семейство. По убеждению матери, купец приехал в обитель и объяснил свое положение старцу отцу Иллариону. Старец несколько раз подолгу с ним занимался, и нашел у него затаенный грех, который он не объяснил священнику, сомневаясь в прощении его. Старец убедил его, что нет греха, который бы не прощало человеколюбие Божие, если в нем каются,— и он на исповеди принес в нём покаяние, и, получив разрешение, удостоен был причащения Святых Таин. При прощании старец сказал ему: "Ну, поезжай с Богом, теперь тебя преследовать и вязать не будут". Так действительно и было: купец совершенно выздоровел от своего мучительного недуга.

Испросить у отца прощения

Один молодой купец года два был одержим манией преследования, доводившей его до безумия. Он избегал людей, бродил с блуждающим взором, произнося бессмысленные слова. Старец Илларион долго занимался с ним и из расспросов дознал, что главная причина болезни его была вражда и непокорность отцу,

которую он таил в своем сердце. Батюшка долго убеждал его оставить злобу и испросить у отца прощения, доказывая, что только после этого он может надеяться на помощь Божию и избавиться от болезни. Наконец, упорство его было мудро уврачевано, душа очистилась покаянием, и мир водворился в ней.

Не упустить душу, ищущую спасения, без возможной помощи

Сохранилось трогательное повествование о послушнице Белевского монастыря Марии, ушедшей в Москву и там заболевшей нервными припадками. Старец предсказал ее возвращение в обитель, что и состоялось в 1871 году. Отец Иларион с любовью принял ее на исповедь и, когда с ней опять случился припадок, позаботился, по его окончании, самым подробным образом исповедать больную. По окончании исповеди, утешал ее как дитя, дал ей свои четки, своего служения просфору, святой воды и арто́с. Воду благословил ей пить при появлении припадков. Отпуская больную, благословил ее и сказал: "Благодари Бога, теперь будешь ты жива, а ежели бы даже пришлось и умереть, - Милостив Господь! буди Его Святая воля! Помни же, что лучше быть учеником ученика, нежели жить, полагаясь на свой разум

и по своей воле", - и обращаясь к сопровождавшим ее сестрам, приказал, чтобы не оставляли больную.

По уходе больной, старец очень был утешен тем, что больная могла принести чистосердечное покаяние, и говорил: "Сестры хотя и думают, что она не так опасна, но Бог знает? и здоровые иногда умирают, а больная, да еще в таком страдальческом положении, тем более не безопасна. Мы не знаем, что с нами может случиться и в следующую ночь или завтра. Что только можно было сделать, чтобы помочь бедной - все сделано. В подобных случаях не должно откладывать, а пользоваться каждой минутой, чтобы не упустить душу, ищущую спасения, без возможной помощи".

Возвращаясь в гостиницу, больная говорила сестрам: "Друзи мои! Как у меня теперь легко на душе, давно не ощущало мое грешное сердце такого отрадного спокойствия духа, и такого необъяснимого чувства, какое я вынесла от батюшки. Слава Богу за все!" - Она попросила засветить лампадку, выпила святой воды, взяла четки, полученные ею от старца, и легла на койку, перекрестивши себя и ее крестным знаменем. Сестры оставили больную и пошли ужинать. Поужинав и поговорив между собою о

той утешительной перемене, которая в этот вечер произошла в состоянии больной, они возвратились к ней, чтобы вместе читать правило на сон грядущим - но нашли Марию уже уснувшей вечным сном.

Узнав о кончине ее, старец сказал: «Это нужно было ожидать, потому я и не решился вчера оставить ее без исповеди». Несомненно, что старцу многое открывалось как извещение свыше. И эта история - прямое подтверждение тому.

По молитве получил извещение

Одна помещица страдала серьезным внутренним расстройством. В Москве ее болезнь признали очень опасною, трудно или почти неизлечимою, так как была она запущена, и помещица возвратилась из Москвы в трудном положении. В начале августа 1871 года она поехала в Киев, чтобы лечиться там у известного доктора. Старцу выразили опасение относительно неизлечимости и вероятности плохого исхода ее болезни. Старец не отвергал эти опасения, был, напротив, как бы тревожен и сам разделял их. Но, удалившись затем из своей приемной в спальную келью и пробыв в ней в удалении около четверти часа, старец снова возвратился в приемную, и уже стал

положительно говорить в том смысле, что болезнь ее пройдет. Очевидно, старец в спальне по молитве получил извещение о благополучном исходе ее болезни. Действительно, помещица после киевского лечения совсем оправилась.

Дар прозорливости и видения человеческой души

Преподобному Илариону был присущ и дар прозорливости, несмотря на то, что вследствие глубокого смиренномудрия старца, ему удавалось - и, в общем, удалось - скрыть сей дар от большинства людей. Он, как и другие великие Оптиные старцы, прикрывал свою прозорливость и дар видения человеческой души как бы просто рассудительностью: но воля Божия в словах старца открывалась через последствия исполнения или неисполнения его старческого совета, благословения или заповеди.

Его духовный сын писал в письме: «Еще раз повторю, что мудрость батюшки великая была; хотя говорил он очень мало, но слова его имели могучую святую силу; получая от него какое-нибудь обыкновенное, кажется, наставление, чувствуешь в себе сильнейшее желание исполнить его слово, и страшно бывало подумать: отчего? да зачем? но раз услышишь от него, и не имеешь духа начать рассуждать.

Знание сердца человеческого у него было такое, что нельзя бывало не изумляться".

Смотри же - теперь не женись

В жизнеописании старца Захарии (Зосимы), схиархимандрита Троице-Сергиевой Лавры, составленном одной из его духовных дочерей, есть даже такая глава: "Прозорливый Иларион (Оптинский)". "Захария побывал и в келье прозорливого старца Илариона. Когда он подошел к его келье, то про себя, совсем неслышно сотворил молитву Иисусову. "Аминь", - ответствовал через закрытую дверь старец. Дверь отворилась, и он радушно и ласково принял Захарию. И сказал ему старец, совсем не зная его и не имея понятия о его жизни и намерениях: "Что, матушка твоя померла? Смотри же - теперь не женись, а отец твой отпустит тебя в монастырь". Примечательно, что те же почти слова юноша, будущий отец Захария, услышал и от преподобного Амвросия.

Вот, может быть, и дерево уже срублено

Одна из духовных чад батюшки вспоминала: «Много нас, батюшкиных деток, собралось ко дню его ангела; все стояли около него; ближе всех стояла сестра (мать Иллариона) бывшая в то время здоровою. Была у неё только одна

давнишняя болезнь, по случаю которой она тихонько, на ушко, спросила у батюшки благословения носить бандаж, а батюшка при всех вслух ей отвечал: «Зачем? Земля все покроет». Потом как бы вообще сказал: «На будущий год в этот день здесь кого-нибудь не достанет» и, взглянув на сестру, прибавил: «Вот, может быть, и дерево уже срублено, привезено и гроб сделан». Это было сказано двадцать первого октября, а на другой год сестра пятого сентября скончалась, и точно, неожиданно похоронили ее в готовом гробе».

Скажи, чтобы кормила, будет здорова

Мать семейства вспоминала: «Я была очень слаба и родила восьмого ребенка; спрашиваю батюшку: «Самой мне кормить, или взять кормилицу»? Батюшка отец Илларион пишет, что он желает, чтобы я сама кормила, этого было достаточно, я не стала спрашивать совета и начала кормить, что мне сначала было нелегко. Я родила второго февраля, а великим постом сестра моя поехала от нас к батюшке передала ему, что сестра, то есть, я, начала кормить, но после родов очень заболела, сделалась грудница, батюшка отвечал ей: «Скажи, чтобы кормила, будет здорова». Я с любовью продолжала, не обращая внимания на болезни, кормить, и

выкормивши ребенка, стала совершенно здорова и счастлива».

На будущий год придешь сюда с ребенком

Духовная дочь старца вспоминала: «Будучи однажды в Оптиной пустыни, я видела одну женщину, которая мне с благоговением рассказала следующее: семнадцать лет уже не было у неё детей; жили они с мужем достаточно, но сильно горевали, что не имели детей. Пришла она со своим горем к батюшке отцу Иллариону, он ей благословил сходить в Задонск и, кажется, в Воронеж, и прибавил: "А на будущий год придешь сюда с ребенком". И как раз в мае, через год, она пришла к батюшке с сыном, которого я видела уже трехлетним».

Когда уж плыть, так плыть

Два случая проявления прозорливости старца связаны с его попечением о тех, кто находился на распутьи жизненного пути, особенно при решении вопроса о вступлении в брак.

Мать благочестивого семейства Т., глубоко уважавшая советы старца, своего духовного отца, приехала в обитель просить его совета, относительно вступления в брак своей дочери. К ней сватались три жениха, и они решили поступить в выборе так, как посоветует им

старец. Три дня ходили они к старцу, желая услышать, что он им скажет, казалось, что старец и выбрал одного из трех женихов, но три дня не объявлял им своего решения, и на их вопрос: "Как же, вы, батюшка, нас благословите?" - отвечал: "Ах, дочка, дочка! Жаль мне тебя, но как же мне с тобой быть? Погодим еще!" На четвертый день он им сказал: "Ну, дочка! Когда уж плыть, так плыть. Переплывешь - будешь человек. Видно, Богу так угодно".

Отец Иларион подразумевал под этими словами, что много скорбей придется перенести девице по выходе замуж. Слова старца сначала показались загадочными, но после, по вступлении девицы в брак, они оправдались. Вначале ей в семействе мужа было очень трудно, пришлось переносить много скорбей и огорчений, так что и крепкое здоровье ее ухудшилось, и духом начала она слабеть. Вспоминая слова старца, Т. ими себя укрепляла, ожидая изменения обстоятельств на более благоприятные. Тяжелое положение ее продолжалось года три. Наконец, неожиданно все изменилось, здоровье ее снова поправилось и с этих пор она жила счастливо, благословляя память старца.

Пусть он погодит еще годок да приедет к нам

Молодой человек из купеческого семейства, после четырехлетнего супружества, овдовел. Ему стали сватать новую невесту. Когда родной брат его поехал в Оптину Пустынь, он поручил ему испросить у отца Илариона благословения на второй брак. Старец дал такой ответ: "Скажи брату, пусть он погодит еще годок, да приедет к нам, и мы посмотрим, не годится ли он нам". Сам съездить к старцу молодой человек не нашел времени, все откладывал, а между тем невесту ему сватали. Не повидавшись лично со старцем, он не исполнил его заочного совета и вторично женился.

Но через три с половиною недели вторая жена тоже умерла. После того ему предлагали вступить в третий брак. Тогда он поехал в обитель лично благословиться у старца. Старец принял его с участием и сказал: "Что, не послушался? Вот тебе и женитьба!" Пробыв несколько дней в обители, он у старца на исповеди изъявил желание вместо женитьбы поступить в обитель. Старец спросил, давно ли у него явилось это желание? Тот отвечал: "Всего несколько часов". Старец сказал: "Нужно прежде поиспытать себя некоторое время". По

окончании же исповеди, с улыбкой сказал: "Ну, приезжай, приезжай, мы тебя примем". Вскоре тот оставил семью и в 1865 году поступил в скит.

На лету схватывать каждое его слово

Духовный сын старца писал: «Неоднократно я замечал, что батюшка, желая мне что-нибудь сказать на пользу, по смирению своему, высказывал это не прямо, а в форме предположений или советов, так что сначала я не обращал на это внимания.

Но, когда я заметил, что все такие его советы стали сбываться, и некоторые даже и через несколько лет, то я стал на лету замечать каждое его слово. Я, по возможности, старался сохранять его слова в своей слабой памяти, в полной уверенности, что это рано или поздно сбудется, или, что я должен буду этими советами руководствоваться при каком-либо ожидающем меня искушении или обстоятельстве».

Остаюсь один я виноват, что не научил вас самоукорению

Однажды двое немирствовавших между собой братьев попросили Старца позволить им лично между собой перед ним объясниться для прекращения ссоры. Выслушав доводы каждого,

отец Иларион сказал: „Из слов ваших выходит, что вы оба правы...” Каждый по-прежнему стоял на своем. Тогда Старец, видя их непреклонность к примирению, сказал им: „Ну, не ожидал я от вас таких плодов!.. Остаюсь один я виноват, что не научил вас самоукорению”. И, к изумлению спорящих, Старец смиренно поклонился им до земли со словами: „Простите, Бога ради!” Таким неожиданным поклоном своего наставника братия были глубоко тронуты, осознали свое самолюбие и виновность и просили Старца простить их, обещая положить начало своему исправлению. Но опытный наставник не вдруг их простил, а только после еще некоторого испытания...

В горниле испытаний

Как не может град укрыться, верху горы стоя (Мф. 5, 14), так не могла укрыться от внимания людей и высокая деятельность старца Илариона. Но наряду с доброжелательным отношением к нему были и случаи явной клеветы на Оптинского подвижника, и в этом горниле испытаний еще более закалилась душа его: не поколебалась мирность батюшкиного сердца, не расстроилась кротость его нрава...

Письма старца

Кроме братии обители и массы приходящего народа, духовным руководством старца Илариона и его наставлениями пользовались, как уже упоминалось, многие насельницы женских монастырей. Старец вел с ними переписку, отвечая не только на вопросы духовной жизни сестер, но и вдумчиво рассматривая самые различные житейские обстоятельства, искушения, нужды. Сохранившиеся письма Старца не утратили своей духовной значимости и по сей день.

Эти письма исполнены истинно святоотеческого духа; при простоте слога старца кратким его поучениям присуща необыкновенная сила. «Послушание - паче жертвоприношения, и поста, и молитвы», - писал старец; и учение Церкви о послушании Богу через послушание поставленным от Него пастырям, в том числе старцам, раскрытое во всех письмах преподобного Илариона, особенно необходимо всем ищущим спасения в наше трудное и противоречивое время.

Слова его имели благодатную святую силу

Мудрость Батюшки была велика: хотя говорил он очень мало, но слова его имели благодатную

святую силу, а потому, получив от него наставление, человек чувствовал в себе искреннее желание исполнить его. Знание сердца человеческого было у него такое, что нельзя было не изумляться. Среди его мудрых советов такие:

«Не стыдись обнажать струпы твои духовному наставнику и будь готов принять от него за грехи свои и посрамление, чтобы чрез него избежать вечного стыда».

Для ободрения скорбящих старец часто говаривал: «Если Господь за нас, кто против нас?»

«Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь имени Божия».

Часто говорил старец о хранении совести, о внимательном наблюдении за своими мыслями, действиями и словами, и о покаянии в них. Учил немощи и недостатки подчиненных нести благодушно. "Замечания делай, - наставлял старец, - не давая пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого".

«Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока

непрестанной молитвой и самоукорением не утишится твое сердце».

«Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а гордым Бог противится, смиренным же дает благодать». Часто старец приводил изречение апостола: "Истинная любовь не раздражается, не мыслит зла, николиже отпадает".

Всего себя отдал на служение ближним

Великую любовь к людям показывают слова старца о паломниках в Оптину: "Можно ли оставить без участия и помощи добрые души людей, с чистым усердием и любовью стремящихся к Богу? Смотря на них, невольно радуется дух, - что их всех заставляет идти сюда за сотни верст? Иные оставляют семейства, малолетних детей на чужих руках и отправляются, находя себе здесь от мирских забот и попечений духовное утешение и отраду. Ни недосуг, ни непогода - ничто не останавливает их, не препятствует благой их цели; ради душевной пользы самый даже путевой труд служит им в утешение.

Да, слава Богу, есть и в наше время истинные рабы Божии, ищущие душевной пользы и спасения. Даруй, Господи, чтобы все они, по вере их, достигли своей цели и, возвращаясь от нас с назиданием душевным, выносили чистые мысли, святые желания для совершения добрых дел, прославляя Бога, подающего нашему скудоумию слово к душевной их пользе".

Старец всего себя отдал на служение ближним. Отец Иероним, келейник старца вспоминал:

«Батюшка старался между братьями поселить любовь и единопутье, и уврачевать от страстей приходивших к нему, как мирских, так и монашествующих, и никто не уходил от него, не получив пользы. Часто случалось, что не щадя себя, старец и малые часы отдыха своего отдавал на пользу ближним, чрез что незаметно терял свои силы и приближался к концу своей жизни».

Никогда так не уставал

Наступила весна 1872 года. Четвёртого марта преподобный Иларион отслужил свою последнюю Литургию. Вернувшись в келью, сказал: «Никогда так не уставал, должно быть, пришел конец мой». Девятого марта он принял пострижение в схиму с сохранением имени

Иларион. Врачи опасались паралича сердца, но прозорливый Старец так сказал о себе: «Не верю снам, но думаю, что на этот раз останусь жив. Приснилось мне, что вокруг меня сильнейшая гроза: разразился необыкновенный удар грома, но меня миновал, и я остался жив»...

Утешения из Горнего мира

В тяжелые дни болезни отец Иларион сподобился утешения из Горнего мира. Ему и прежде неоднократно являлся в сновидениях преподобный Макарий, но теперь эти видения участились. В одном из них явившийся наставник сказал: «А я вот к тебе, Иларион, заехал...» В продолжение своей болезни Старец обыкновенно причащался Святых Тайн не реже чем через два-три дня, а с семнадцатого августа 1873 года стал причащаться уже ежедневно и таким образом причащался в течение тридцати трех дней, до самой своей кончины включительно. Начиная с двадцать второго августа, отец Иларион уже не мог ложиться в постель, не мог сам двигаться и до самой кончины своей сидел в кресле.

Ни разу не оставил молитвенных правил...

Двадцать второго августа приехала Белевская игуменья мать Павлина проститься со Старцем.

Он благословил ее иконой преподобного Илариона, а о сестрах сказал, чтобы желающие проститься приезжали не все вдруг, а по несколько сестер. «Еще время терпит, – сказал он, – я еще несколько недель проживу в кресле; в водяной болезни недели по четыре сидят».

Этими словами он, как впоследствии оказалось, как бы предназначил время своего сидения с двадцать первого августа по восемнадцатое сентября, то есть четыре недели и один день. Перед кончиною своею он сказал: «Старцы, бывшие в водяной, все сидели перед кончиною своею, а мне, грешному, отчего не посидеть?» Несмотря на чрезмерную болезненную слабость, бессонницу, постоянную одышку, переходившую по ночам в удушье, на чрезвычайные боли, появлявшиеся в последние дни от некоторых болезненных припадков, старец до последнего утра своей жизни ни разу не оставил исполнения положенных в Скиту молитвенных правил...

В день кончины Старца

На рассвете восемнадцатого сентября 1873 года старец Иларион тихо и мирно отошел ко Господу. Погода, бывшая до того пасмурной и дождливой, в день кончины Старца прояснилась. При перенесении тела Старца в

монастырь было так тихо, что не погасла ни одна свеча. Отпевание происходило во Введенском соборе, который был полон народа, освещен паникадилами и большими свечами, всем присутствующим также были розданы свечи. По отпевании происходило прощание со Старцем монашествующей братии и мирских. И уступила горечь утраты иному чувству – пасхальной радости о будущем воскресении из мертвых...

Старец Иларион великую стяжал славу

Почитание старца Илариона в Оптиной выразилось в торжественных поминовениях старца в день его кончины и двадцать первого октября старого стиля в день ангела его, преподобного Илариона Великого. Поминовение состояло в торжественном соборном служении ранней и поздней Литургии и панихид, также в поминальной трапезе и милостыне нищей братии. Но главный памятник почитания старца - это действующий ныне храм в честь преподобного Илариона Великого, воздвигнутый при бывшей монастырской больнице по инициативе казначея иеромонаха Флавиана и Н. П. Киреевской. Освящение храма преподобного Илариона Великого было назначено на двадцать восьмое июля 1876 года и соборно совершено

Преосвященным Григорием Калужским вместе с отцом настоятелем и старшей братией. Владыка после освящения произнес знаменательные слова: "Да, старец Иларион великую стяжал славу". Храм был вновь освящен в 1991 году.

В 1996 году преподобный Иларион был причислен к лику местночтимых Святых Оптиной Пустыни, а в августе 2000 года — Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви прославлен для общецерковного почитания. Мощи преподобного Илариона покоятся во Владимирском храме Оптиной Пустыни.

Можно не сомневаться, что и сейчас старец Оптинский Иларион призывает на входящих в Оптину с верою ко святым могилам старцев и подает им незримо помощь и молитвенное заступление...

Преподобне отче Иларионе, моли Бога о нас!